Владимир Максимович Соколов,*Бирский филиал Башкирского государственного университета
(г. Бирск, Россия),
e-mail: sokolov-vlad@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0822-7632>***Андрей Владимирович Стомба,***Бирский филиал Башкирского государственного университета
(г. Бирск, Россия),
e-mail: stovbaav2006@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0946-4816>*

Императивность биоэтического подхода к морально-политическим проблемам коронакризиса COVID-19

Массовые заболевания в современном мире, такие как эпидемии и тем более пандемии, представляют глобальные угрозы и риски для человеческой цивилизации. Немногие известные или возникающие новые инфекционные заболевания ставят жизненно важные этические проблемы так быстро и резко, как вспышка новой формы коронавируса COVID-19. Особенность этой эпидемии заключается в том, что чрезвычайная ситуация в здравоохранении за короткий период времени переросла в экономический и геополитический кризис, получивший одно из его названий «Коронакризис-2020». Всемирная организация здравоохранения классифицировала COVID-19 как всемирную пандемию. На момент написания данной статьи эпидемия пошла на спад, но в последующем сохраняется угроза «новой волны» инфекционных заболеваний. Моральные и политические дилеммы, возникающие из-за вспышки нового коронавируса, среди прочих проблем актуализируют также множество биоэтических соображений по выработке методов и тактики борьбы с эпидемией. Ограниченные возможности системы здравоохранения и медицины в лечении инфекций выдвигают на первый план необходимость осмысления биоэтических подходов ко многим проблемам и вызовам, затрагивающим жизненно важные ценности и интересы отдельного человека, медицинских работников и общества в целом. В статье предпринята попытка выявления и краткого анализа некоторых аспектов морально-политического состояния современного общества, вследствие коронакризиса COVID-19. Проводится сравнительный анализ существующих концепций биоэтики с акцентом на необходимость адаптации этических норм и требований к политике общественного здравоохранения. Подчеркивается важность соблюдения принципа взаимной моральной ответственности государства и личности; защиты социально-экономических и политических прав и свобод человека в период реализации долгосрочных мер самоизоляции и длительной чрезвычайной ситуации.

Ключевые слова: коронавирус COVID-19, пандемия, биоэтика, политика, организация здравоохранения

Vladimir M. Sokolov,*Birsk Branch Bashkir State University
(Birsk, Russia),
e-mail: sokolov-vlad@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0822-7632>***Andrey V. Stovba,***Birsk Branch Bashkir State University
(Birsk, Russia),
e-mail: stovbaav2006@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0946-4816>*

The Imperative of the Bioethical Approach to the Moral and Political Problems of the Coronacrisis COVID-19

Mass diseases in the modern world, such as epidemics and even more pandemics pose global threats and risks to human civilization. Few infectious diseases known or emerging pose vital ethical problems as quickly and sharply as they did during the outbreak of the new form of the coronavirus COVID-19. The peculiarity of this epidemic is that the emergency situation in healthcare over a short period of time escalated into an economic and geopolitical crisis, which received one of its names "Corona Crisis 2020". The World Health Organization has classified COVID-19 as a worldwide pandemic. At the time of writing this article, the epidemic has declined, but in the future, there is a threat of a "new wave" of infectious diseases. The moral and political dilemmas arising from the outbreak of the new coronavirus, among other problems, also actualize many bioethical considerations

© Соколов В. М., Стомба А. В., 2021

in developing methods and tactics for combating the epidemic. The limited capabilities of the healthcare system and medicine in the treatment of infections highlight the need for understanding bioethical approaches to many problems and challenges affecting the vital values and interests of the individual, medical workers and society as a whole. We attempt to identify and briefly analyze some aspects of the political and moral state of modern society, due to corona crisis COVID-19. A comparative analysis of existing concepts of bioethics with an emphasis on the need for adapting ethical standards and requirements for public health policies is given. We stress the importance of adhering to the principle of mutual moral responsibility of the state and the individual; the protection of socio-economic and political rights and freedoms of a person during the period of implementation long-term measures of isolation and long-term emergency situation.

Keywords: coronavirus COVID-19, pandemics, bioethics, policy, health organization

Введение. Инфекционные заболевания являются одной из основных причин плохого состояния здоровья людей во всём мире. Многовековая история человечества демонстрирует

нам много примеров эпидемий/пандемий, уносивших большое количество жизней. Начиная с раннего появления людей, инфекционные заболевания несут так много жертв, что они приуменьшают даже влияние всех войн на ход истории.

В последние десятилетия, несмотря на возможности современной науки, медицины и санитарной профилактики, стали возникать новые и неизвестные ранее опасные инфекции, которые и сегодня продолжают традицию «дурной бесконечности» катастрофических эпидемий в истории человеческих болезней. В этом плане эпидемии/пандемии можно рассматривать как некий вариант вызова и момент истины, который позволяет посмотреть, например, на то, как система здравоохранения, наука, политика отвечает на эти вызовы. Одновременно с этим на фоне беспрецедентных мер, принимаемых разными государственными структурами в борьбе с пандемией, следует отметить недостаточное внимание к этой проблеме с точки зрения решения этических вопросов, возникающих в случаях, когда инфекционные заболевания не имеют эффективного лечения или вакцины. «Этот кризис, – по заявлению Генсека ООН А. Гутерриша, – носит прежде всего гуманитарный характер, который требует солидарности»¹.

Инфекционные заболевания внезапно вторглись и нарушили привычный образ жизни людей. Происходит ломка всех привычных стереотипов общественного сознания, а вместе с этим перестройка морально-этических норм и правил поведения в повседневной жизни в период длительного периода самоизоляции и сопутствующих ей ограничений. Сегодня остро встаёт вопрос о непростых последствиях пандемии COVID-19, которые могут привести к кризис-

ным явлениям не только в политике и экономике, но и в гуманитарной сфере. Поэтому представляется важным понять, как изменится социокультурная среда общества, пережившего пандемию. По словам председателя Российского комитета по биоэтике при комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, академика РАН А. Г. Чучалина: «Мы сейчас вступаем в фазу, когда вирус начнет отступать, а проблемы психического здоровья и этики будут на первом месте [1, с. 7].

Мы также можем утверждать, что в данных условиях как никогда актуальным становится императивный характер биоэтического подхода в успешном решении морально-психологической адаптации общества в условиях постпандемийной кризисной реальности.

Методология и методы исследования. Исследованию проблем эпидемиологии и инфектологии со стороны биоэтики уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания, по сравнению с такими явлениями, как аборт, эвтаназия, генетика, клонирование, применение стволовых клеток и т. д. Между тем международные структуры (в лице ЮНЕСКО²) и межправительственные комитеты по биоэтике в своих исследованиях предлагают руководства по этическому реагированию на период пандемий [2], чтобы помочь правительственным организациям принимать верные этические решения в сфере социально-поведенческого реагирования в условиях пандемии и чрезвычайных ситуаций. Российские учёные, задействованные в исследованиях по этике здравоохранения и инфектологии, публи-

¹ Гутерриш А. Этот кризис носит прежде всего гуманитарный характер, который требует солидарности. – URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/above-all-human-crisis-calls-solidarity> (дата обращения: 20.05.2020). – Текст: электронный.

² Заявление по COVID-19: этические аспекты в глобальном масштабе. – Текст: электронный // Международный комитет ЮНЕСКО по биоэтике (МБК) и Всемирная комиссия по этике научных знаний и технологий (КОМЕСТ). – 2020. – 6 апр. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373115> (дата обращения: 20.05.2020).

куют научные материалы [3–6], проводятся научные онлайн-конференции¹.

Спецификой темы данной статьи является тот факт, что феномен «коронакризиса», возникший вследствие распространения COVID-19, пока ещё не получил развёрнутого анализа в научно-философской литературе. Сложность экспликации морально-политического контекста глобального коронакризиса COVID-19 обусловила стремление обратиться к методологии междисциплинарных научных исследований в области политики, социальной философии, экономики, организации здравоохранения и медицины.

Результаты исследования и их суждение. Биоэтика как междисциплинарная и интегральная область знания никогда не была далека от политики и находится в тесных переплетениях и взаимодействиях с ней. Постоянно меняющиеся реалии медицины и биомедицинских наук, доступные информационные ресурсы и взгляды, ценности и убеждения различных заинтересованных сторон играют всё более важную роль в биоэтических дискуссиях и сближают их с политикой.

Тема эпидемий/пандемий затрагивает вопросы политического значения, а этические дилеммы, возникающие из-за вспышек инфекционных заболеваний, нуждаются в биоэтических соображениях и рекомендациях для последующей выработки правильных политических решений в области здравоохранения. Биоэтика всегда была вовлечена в политику, выступая в качестве субъекта и актора общественно-политического дискурса. Если политику можно определить как практику и теорию влияния на людей, то можно утверждать, что большинство биоэтиков пытаются это сделать. К примеру, в США около 1 400 самых выдающихся биоэтиков и руководителей здравоохранения страны подписали письмо в Конгресс и Белый дом², в ко-

¹ См. например: Кравчук М. Пандемия коронавирусной инфекции: психологические и этические последствия. – Текст: электронный // Научная Россия. – 2020. – 30 апр. – URL: <https://scientificrussia.ru/covid/pandemiya-koronavirusnoj-infektsii-psihologicheskie-i-eticheskie-posledstviya> (дата обращения: 21.05.2020); Пензина А., Беленицкая О., Кравчук М. Коронавирус – глобальный вызов науке. – Текст: электронный // Научная Россия. – 2020. – 30 апр. – URL: <https://scientificrussia.ru/covid/koronavirus-globalnyj-vyzov-nauke> (дата обращения: 21.05.2020); Хужина Я. Настоящее и будущее: моделирование выхода из коронакризиса. – Текст: электронный // Научная Россия. – 2020. – 25 мая. – URL: <https://scientificrussia.ru/covid/modelirovanie-budushchego-pryamaya-translyatsiya> (дата обращения: 27.05.2020).

² America's Bioethicists: Government Must use Federal Powers to Fight COVID-19. – URL: <https://www.thehastingscenter.org/news/americas-bioethicists-government-must-use-federal-powers-to-fight-covid-19/> (дата обращения: 23.05.2020). – Текст: электронный.

тором призвали администрацию Д. Трампа немедленно использовать свою федеральную власть и средства для реагирования на пандемию COVID-19 в качестве морального императива. В этом отношении у американских биоэтиков есть свои моральные позиции и соответствующие политические рекомендации, посредством которых они пытаются влиять на властные структуры и выдвигать хорошо продуманные, подробные и всесторонние экспертизы, касающиеся этических последствий принимаемых решений в области медицины и здравоохранения.

Что касается российской действительности в аспекте оценки морально-политической ситуации с коронакризисом, то здесь можно также выделить некоторые особенности. С этой целью рассмотрим далее, как тема пандемии COVID-19 отражается в информационном пространстве. Зачастую, после ознакомления с противоречивой во многих аспектах информацией из СМИ, создаётся впечатление, что ситуация с новой инфекцией – это, скорее, даже не отдельно медицинская, эпидемиологическая или ещё какая-то узкоспецифическая тема, а эта проблема, благодаря мощной информационной накачке приобретая поистине глобальные масштабы. И тогда в подобной ситуации информационной перегрузки важен критический анализ поступающей информации.

На наш взгляд, следует признать тот факт, что медицина и всё, что связано с ней, в какой-то степени оказались служанками и заложниками политики и СМИ. В этой связи сегодня остро встаёт вопрос информационной этики и безопасности. Как справедливо замечает по этому поводу А. В. Щипков: «Нам явно придётся пересмотреть отношение к информации и её ценности. Возрастает цена точной и качественной информации... Встанет и вопрос об информационном равенстве или неравенстве, поскольку от этого теперь зависит право на жизнь» [7, с. 15].

Кроме проблемы информационной безопасности общества нельзя также игнорировать последствия экзистенциально-антропологической травматизации общества, полученной в результате коронавирусного кризиса. Понятие «травма» уже приобрело социально-философское звучание, оно осмысливается в научной литературе [8; 9] и находит отражение в политической лексике: это состояние, вызывающее эмоциональный шок, депрессию, аномию и т. п. Это про-

www.thehastingscenter.org/news/americas-bioethicists-government-must-use-federal-powers-to-fight-covid-19/ (дата обращения: 23.05.2020). – Текст: электронный.

исходит на фоне всё более глобальной тенденции перехода, с одной стороны, к избыточной медиализации современной жизни, а, с другой, сегодня мы являемся свидетелями процесса политизации медицины, наделённой задачами социального контроля, что объясняет зачастую политизированные оценки вирусологов о происхождении и природе коронавируса. От обеих этих тенденций политика деформируется, по сравнению с её классическим профилем, а научная медицина и врачебное сообщество страдает от некомпетентного вмешательства отдельных политиков и журналистов.

Властно-дисциплинирующей функции государственной «заботы о здоровье» населения в наши дни стало подозрительно «слишком много». Так, например, анонсируемые правительством РФ в ближайшем будущем прививочные мероприятия с принудительной вакцинацией населения от коронавируса вызывают в обществе определённую тревогу и недоверие. Мишель Фуко в своих работах называл такой новый тип государственного управления по-разному, например, «биовластью» или особой «политикой здоровья» [10].

Нынешний коронакризис COVID-19 выявил многие изъяны и недостатки в организации российской системы здравоохранения. Так, по оценке руководителя Высшей школы организации и управления здравоохранением (ВШОУЗ) Гузель Улумбековой: «Только в Москве за время оптимизации обеспеченность инфекционными койками сократилась почти в два раза, и это на фоне роста смертности от инфекционных болезней на 11 % за этот же период. А в России – в 2,5 раза. Сократили и другой коечный фонд»¹.

Биоэтика является философской, морально-правовой, составляющей профессиональной деятельности медицинских работников, затрагивающей ценностные основания личности специалиста-медика. С другой стороны, «признание человеческой жизни в качестве высочайшей ценности современной цивилизации актуализирует проблему формирования биоэтической ответственности в аксиосфере медицинской ментальности» [11, с. 125]. В первую очередь это касается врачей и медработников, находящихся на «передовой коронавирусного фронта» борьбы с эпидемией. Биоэтический импе-

ратив ответственности предполагает также «формирование новой системы обеспечения социально-антропологической безопасности» [12, с. 1154].

Как можно оценить морально-психологическое состояние медицинских работников и врачей в рискованных условиях их труда в период массовых эпидемий и экстремальных ситуаций? По роду своей деятельности сотрудники медицинских учреждений должны, прежде всего, руководствоваться профессиональными медицинскими кодексами, но также их моральный выбор в экстремальных ситуациях будет зависеть от собственной оценки риска и системы ценностей [13, с. 68]. Таким образом, медицинские работники, имеющие дело с COVID-19, находятся в зоне повышенного риска и вследствие этого испытывают повышенное морально-психологическое давление и стресс.

Из многочисленных рисков и угроз, связанных с негативными последствиями коронакризиса, можно выделить также отдельно тему семейных кризисов и проблему семейных отношений. За период самоизоляции и карантина, как сообщают правозащитные организации², отмечаются рост вспышек домашней агрессии и обострение проблемы домашнего насилия [14].

Вопросы организации эффективной системы здравоохранения во внутренней политике большинства развитых государств всегда выделяются как приоритетные. В этой связи представляется актуальным рассмотреть эффективность организации системы общественного здравоохранения в ходе сравнительного анализа двух моделей (форм) биоэтики и применительно к текущей ситуации с коронавирусом COVID-19. В практике современной медицины и здравоохранения одновременно сосуществуют две формы или модели биоэтики: либеральная и консервативная. Кратко отметим некоторые свойства этих моделей.

В основе либерального подхода в биоэтике первично значимыми являются права и свободы человека. Как отмечает В. Н. Засухина: «Свобода, предлагаемая либеральной биоэтикой, – это свобода без ответственности, свобода от лишних обязанностей и ограничений (обязанностей перед ближним, нуждающимся в нашей помощи, и ограничений в получении удовольствий и выгод)» [15,

¹ Сачивко С. Реформаторы Кремля привели российскую медицину к краху, и только Голикова этого не видит. – Текст: электронный // Свободная пресса. – 2020. – 25 мая. – URL: <https://svpressa.ru/society/article/265865/?ec=1> (дата обращения: 23.05.2020).

² См. например: Штурма Я. Некуда пойти: всплеск домашнего насилия в России. – Текст: электронный // Газета.ru. – 2020. – 5 мая. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/05/05/13072729.shtml> (дата обращения: 23.05.2020).

с. 135]. Концепция утилитаризма является одной из нравственных основ либеральной биоэтики. Утилитарный подход был свойственен больше странам Запада, а в последние десятилетия появился и в России, после перехода страны к рыночным отношениям. Приведём характерный пример такого подхода и посмотрим, к каким выводам он нас приведёт. Следуя рекомендациям ВОЗ, большинство стран в борьбе с пандемией применяют жёсткие ограничения для снижения физического взаимодействия между людьми. Однако Швеция пошла по другому пути, не вводя у себя никаких жёстких ограничений. На взгляд шведских властей, борьба с распространением коронавируса – это персональная ответственность каждого, а победить болезнь всё равно не удастся, пока не выработается «коллективный иммунитет». Это классический утилитарный этический расчёт: создание «стадного» (популяционного) иммунитета потенциально спасёт жизни в долгосрочной перспективе и сохранит работоспособную экономику и ресурсы. Но может представлять наибольший риск для пожилых людей и людей с хроническими заболеваниями, а также для наиболее социально уязвимых слоёв общества. Шведская модель борьбы с эпидемией, с одной стороны, имеет много сторонников и в то же время подвергается жёсткой критике в прессе. «Швеция жертвует своими стариками, – пишет шведская газета “Афтонбладет”, – среди северных стран мы справились хуже всех. Спасаем экономику смертельно рискованным способом»¹.

Таким образом, возникает моральная дилемма: должны ли получаемые преимущества и выгоды для наибольшего числа населения преобладать над правами уязвимых групп? Не навредят ли карантинные и прочие меры, призванные остановить эпидемию, больше, чем сам коронавирус? Ведь многие люди оказываются перед угрозой потери работы, разорения бизнеса, неспособности выплатить долги и т. д. В мире спорят, что хуже: умереть от коронавируса или от голода. Международная организация труда (МОТ) обнародовала доклад², в котором утверждает, что повсеместная изоля-

¹ Virus visar hur vi åldersatt de äldre. – Текст: электронный // Aftonbladet. – 2020. – 10 May. – URL: <https://www.aftonbladet.se/a/VbvXwW/virus-visar-hur-vi-arsidsatt-de-aldre>. (дата обращения: 18.05.2020).

² МОТ: Потери рабочего времени и рабочих мест из-за COVID-19 несут катастрофический характер. – URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_741071/lang-ru/index.htm (дата обращения: 22.05.2020). – Текст: электронный.

ция из-за коронавируса приводит к нищенской жизни и делает уязвимыми 2 млрд человек. В Счётной палате РФ не исключают, что в итоге из-за пандемии работу потеряют от 6 до 9 млн россиян³.

Утилитарный и деонтологический подходы в биоэтике устанавливают разные приоритеты и различаются по своим основным моральным мотивациям и действиям. Когда мы принимаем точку зрения деонтологии (и следовательно, сосредоточив внимание на принципах, определяющих наше поведение), получаем комплекс обязательств и гарантий со стороны всей системы органов государственной власти, который предусматривает нормальное функционирование всех сфер общественной жизни, поддержку молодёжи, наличие науки, способной своевременно реагировать на вызовы времени и выработать рекомендации [16]. Важным моментом в проведении социально-экономической политики является и создание и реализация государственных программ, направленных на повышение качества и доступности медицинской помощи, лекарственного обеспечения, особенно для малоимущих групп населения, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия.

Центральный элемент деонтологического подхода – обязательства государственного здравоохранения в виде доступности и бесплатности оказываемой любой медицинской помощи практически для всего населения. Положительный опыт социалистических стран (Китая, Вьетнама и бывшего СССР) показывает нам его огромные возможности, которые эффективно использовались в борьбе с различными эпидемиями.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, насколько сложной может быть сбалансированность утилитарной и деонтологической модели устройства общественного здравоохранения. Из анализа всех возможных моделей биоэтики вытекают два важнейших вопроса: могут ли общества применять эти меры таким образом, чтобы максимизировать общее благо и минимизировать негативные социальные и экономические последствия? Каковы этические последствия этих вмешательств, особенно когда речь идёт о сбалансированности индивидуальных свобод с необходимостью защиты здоровья населения? В нынешнем

³ Апулеев И. Кудрин предупредил о резком росте числа безработных из-за COVID-19. – Текст: электронный // Газета.ru. – 2020. – 13 апр. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/04/13/13046899.shtml> (дата обращения: 20.05.2020).

контексте коронакризиса COVID -19 эти вопросы могут возникать у каждого человека. Независимо от конкретного контекста, при котором возникают такие вопросы, ответ неотделим от какой-либо оценки риска и может иметь последствия на коллективном, общественном и даже на мировом уровнях.

Закключение. Новые повторения («волны») коронавирусной инфекции вполне возможны в ближайшем будущем. Случившаяся пандемия обнажила многие проблемы и недостатки в организации медицины и системы здравоохранения в России. Тот факт, что потенциальные последствия от будущих вспышек инфекционных заболеваний практически не имеют себе равных по масштабу кризисных явлений, является одной из причин того, что рассмотренная нами тема заслуживает большего внимания, в том числе со стороны биоэтиков. Для ситуации, подобной эпидемии COVID-19, когда научная неопределённость в отношении этой болезни была повсеместной, когда не выработаны эффективные способы лечения или вакцины, важным становится профилактика и здоровая окружающая среда. Массовые заболевания современности во многом детерминированы образом жизни людей и экологией. В этом отношении стоит прислушаться к словам академика А. Г. Чучалина: «То, что мы сейчас переживаем – это экологически обусловленные болезни. Они имеют прямое отношение к состоянию ноосферы в целом»¹.

Инфекционные эпидемии всегда связаны и с вопросами справедливости, что должно быть главной заботой биоэтики. В обществе сегодня отмечается рост тревоги и снижение критического мышления. Как

считает специалист по биоэтике Наталия Шок: «Мы наблюдаем “свободное падение” доверия в мире. На этом фоне представляется важным задуматься о глобальной этике, так как именно “распределение здоровья и болезни” отражает то, как организовано общество и как люди относятся в нем друг к другу»².

Профилактические и политико-административные меры со стороны государства могут быть успешными, только в том случае, если существует высокая степень социальной солидарности, которая требует доверия к государственным и общественным институтам. Можем констатировать также тот факт, что в настоящее время происходит медиализация политики, и, с другой стороны, политизация медицины. Поэтому важно в условиях растущего пессимизма и недоверия населения к социальным институтам как можно скорее правительству и другим субъектам власти представить меры и программы перезапуска экономики, дать объективную информацию людям, на основе которой они могли бы формировать своё безопасное будущее.

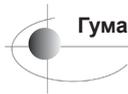
Важный и сложный этический вопрос состоит также и в том, как найти баланс между утилитарной целью укрепления общественного здоровья, с одной стороны, и либеральными целями защиты неприкосновенности частной жизни и свободы передвижения, с другой стороны. Поиск разумного соединения концепции общественного блага и соблюдение прав отдельного человека является этическим и моральным призывом к дальнейшим научным исследованиям и общественным дискуссиям.

Список литературы

1. Чучалин А. Г. Мы расплачиваемся за нашу беспечность // *Международная жизнь* 2020. № 5. С. 4–8.
2. Stand on Guard for Thee. Ethical considerations in preparedness planning for pandemic influenza. A report of the University of Toronto Joint Centre for Bioethics (November 2005). URL: <http://timetravel.mementoweb.org/memento/2005/http://www.utoronto.ca/jcb/home/documents/pandemic.pdf> (дата обращения: 22. 05. 2020). Текст: электронный.
3. Илесанми М. А. Пандемии и проблемы ограничения прав человека // *Юрист*. 2018. № 8. С. 59–65.
4. Кубарь О. И. Этические и правовые аспекты инфектологии и вакцинопрофилактики // *Инфекция и иммунитет*. 2011. № 2. С. 107–112.
5. Кубарь О. И. Этический комментарий к COVID-19 // *Инфекция и иммунитет*. 2020. № 2. С. 287–294.
6. *Этика инфекционной патологии* / под общ. ред. О. И. Кубарь. СПб.: ФБУН НИИЭМ им. Пастера, 2014. 116 с.
7. Щипков А. В. Политическая философия коронавируса // *Международная жизнь*. 2020. № 5. С. 12–20.
8. Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 259 с.

¹ Торин А. Александр Чучалин: «Эпидемия коронавируса должна избавить наше общество от беспечности»: материалы онлайн-конференции (16.04.2020). – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26035> (дата обращения: 23.05.2020). – Текст: электронный.

² Шок Н. П. Кто должен жить? COVID-19 стал экзаменом по биоэтике. – Текст: электронный // *ForbesRussia*. – 2020. – 13 апр. – URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/397639-kto-dolzhen-zhit-covid-19-stal-ekzamenom-po-bioetike> (дата обращения: 23.05.2020).

9. Тощенко Ж. Т. Общество травмы. Между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа) М.: Весь мир. 2020. 345 с.
10. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978/79 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010. 446 с.
11. Соколов В. М. Принцип биоэтической ответственности в контексте моральных ценностей современной медицины // Вестник Башкирского университета. 2007. № 3. С. 125–127.
12. Соколов В. М. Биоэтическая детерминация моральных ценностей современной медицины // Фундаментальные исследования. 2014. № 9/5. С. 1151–1155.
13. Соколов В. М., Стовба А. В. Оценка поведенческих факторов риска медицинских работников в условиях эпидемий и экстремальных ситуаций // Современные исследования социальных проблем. 2020. № 2. С. 68–83.
14. Соколов В. М., Стовба А. В. Морально-правовые коллизии домашнего насилия в России в свете последних законодательных инициатив // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 82–90.
15. Засухина В. Н. Соотношение либерализма и консерватизма в биоэтике и их противостояние этическому нигилизму ницшеанского типа // Гуманитарный вектор. 2020. № 1. С. 133–138.
16. Stovba E., Stovba A., Kolonskikh N. Peculiarities, values and Youth Social Orientation in the Rural Territories in the Republic of Bashkortostan, in Modern Economic Conditions // Proceedings of the International Conference on the Theory and Practice of Personality Formation in Modern Society (ICTPPFMS 2018): Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 198. P. 245–249.

Статья поступила в редакцию 14.08.2020; принята к публикации 21.10.2020

Сведения об авторах

Соколов Владимир Максимович, кандидат философских наук, доцент, Бирский филиал Башкирского государственного университета; 452450, Россия, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; e-mail: sokolov-vlad@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0822-7632>.

Стовба Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Бирский филиал Башкирского государственного университета; 452450, Россия, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; e-mail: stovbaav2006@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0946-4816>.

Вклад авторов в статью

В. М. Соколов – основной автор, организатор исследования, осуществление анализа, систематизации и оформления статьи.

А. В. Стовба – анализ и оформление статьи.

Библиографическое описание статьи

Соколов В. М., Стовба А. В. Императивность биоэтического подхода к морально-политическим проблемам коронакризиса COVID-19 // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 80–87. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-80-87.

References

1. Chuchalin, A. G. We pay for our carelessness. *International life*, no. 5, pp. 4–8, 2020. (In Rus.)
2. Stand on Guard for Thee. Ethical considerations in preparedness planning for pandemic influenza. A report of the University of Toronto Joint Centre for Bioethics. November 2005. Web. 22.05.2020. <http://www.timetravel.mementoweb.org/memento/2005/http://www.utoronto.ca/jcb/home/documents/pandemic.pdf> (In Engl.)
3. Ilesanmi, M. A. Pandemics and problems of restricting human rights. *Lawyer*, no. 8, pp. 59–65, 2018. (In Rus.)
4. Kubar', O. I. Ethical and legal aspects of infectology and vaccine prevention. *Infection and immunity*, no. 2, pp. 107–112, 2011. (In Rus.)
5. Kubar', O. I. Ethical commentary on COVID-19. *Infection and immunity*, no. 2, pp. 287–294, 2020. (In Rus.)
6. *Ethics of Infectious Pathology*. Saint Petersburg: FBUN NIIE Mimeni Pastera, 2014. (In Rus.)
7. Shchipkov, A. V. Political philosophy of the coronavirus. *International life*, no. 5, pp. 12–20, 2020. (In Rus.)
8. Kara-Murza, S. G. *Anomie in Russia: causes and manifestations*. M: Nauchniy ekspert, 2013. (In Rus.)
9. Toshchenko, Zh. T. *Trauma Society: Between Evolution and Revolution (experience of theoretical and empirical analysis)*. M: Ves' mir, 2020. (In Rus.)
10. Fuko, M. *The birth of biopolitics: a course of lectures delivered at the College de France in the 1978/79 school year*. Saint Petersburg: Nauka, 2010. (In Rus.)

11. Sokolov, V. M. The principle of bioethical responsibility in the context of the moral values of modern medicine. Bulletin of the University of Bashkir, no. 3, pp.125–127, 2007. (In Rus.)
12. Sokolov, V. M. Bioethical determination of moral values of modern medicine. Basic research, no. 9/5, pp. 1151–1155, 2014. (In Rus.)
13. Sokolov, V. M., Stovba, A. V. Assessment of behavioral risk factors for medical workers in the conditions of epidemics and extreme situation. Modern researches of social problems, no. 2. pp. 68–83, 2020. (In Rus.)
14. Sokolov, V. M., Stovba, A. V. Moral and legal conflicts of domestic violence in Russia in the light of recent legislative initiatives. Humanitarian and social sciences, no. 2, pp. 82–90, 2020. (In Rus.)
15. Zasukhina, V. N. Correlation of liberalism and conservatism in bioethics and their opposition to the ethical nihilism of the Nietzschean type. Humanitarian vector, no. 1, pp. 133–138, 2014. (In Rus.)
16. Stovba, E., Stovba, A., Kolonskikh, N. Peculiarities, values and Youth Social Orientation in the Rural Territories in the Republic of Bashkortostan, in Modern Economic Conditions. Proceedings of the International Conference on the Theory and Practice of Personality Formation in Modern Society (ICTPPFMS 2018): Advances in Social Science, Education and Humanities Research, vol.198, pp. 245–249, 2018. (In Engl.)

Received: August 14, 2020; accepted for publication October 21, 2020

Information about author

Sokolov Vladimir M., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Birk Branch, Bashkir State University; 10 Internatsional'naya st., Birk, 452450, Russia; e-mail: sokolov-vlad@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0822-7632>.

Stovba Andrey V., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Birk Branch, Bashkir State University; 10 Internatsional'naya st., Birk, 452450, Russia; e-mail: stovbaav2006@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0946-4816>.

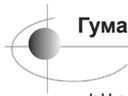
Contribution of authors to the article

V. M. Sokolov – the main author, the organizer of research, who formulates the problem of research and conclusions.

A. V. Stovba – analysis and preparation of the manuscript.

Reference to the article

Sokolov V. M., Stovba A. V. The Imperative of the Bioethical Approach to the Moral and Political Problems of the Coronacrisis COVID-19 // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 80–87. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-80-87.

УДК 316.75:82-343:323.28

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-88-96

Татьяна Владимировна Излученко,
Сибирский федеральный университет
(г. Красноярск, Россия),
e-mail: izluchenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>

Роль мифа в экстремизме: социально-философский анализ

Исследуется миф в качестве идеологической составляющей экстремизма. Цель работы заключается в определении роли и значения мифа для экстремистской деятельности. Экстремизм рассматривается социокультурным и политическим феноменом современной культуры, выражающимся в действиях против основ конституционного строя и общественной безопасности. Миф способствует формированию целостной картины мира, конструированию альтернативной социальной реальности и созданию моделей мышления и поведения, соответствующих целям и задачам экстремистских организаций. Методология исследования основывается на теориях мифа А. Лосева и М. Элиаде, когнитивных особенностей А. Круглански, трактовке девиантности Я. Гилинского и феноменологическом подходе к конструированию реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Экстремистское поведение есть форма девиантности, проявляющаяся в совершении действий ненормативного характера, которые представляют угрозу стабильности социуму и активируют механизмы социального контроля. Экстремистское мышление понимается как результат психологического конструирования, возникший на основе неестественного функционирования когнитивной системы. Экстремистские идеологии содержат мифы о будущем идеальном государстве и/или обществе, героях и легендарных личностях, а также эсхатологические представления. Сущностно эти мифы не отличаются от мифов, присущих иным видам деятельности и социокультурным феноменам. Однако они способствуют экстремизму посредством демонстрации приемлемых и неприемлемых норм поведения на примере героизированных лидеров; интерпретации исторических событий и процессов социальной действительности в соответствии с политическими целями организаций; создания и трансляции идеологических ценностей; формирования идентичности и ощущения исключительности.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские организации, идеология, миф, будущее государство, идеальное общество, девиантность

Tatyana V. Izluchenko,
Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia),
e-mail: izluchenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>

The Role of Myth in Extremism: the Socio-Philosophical Analysis

This study examines myth as an ideological component of extremism. The objective is to define the role and meaning of myths in extremist activities. Extremism is a socio-cultural and political phenomenon of modern culture, expressed in actions against the foundations of the constitutional order and public security. Myths contribute to the formation of a holistic picture of the world, to the construction of an alternative social reality, and the creation of models of thinking and behavior that correspond to the goals and objectives of extremist organizations. The research methodology is based on the theories of myth by A. Losev and M. Eliade, on the phenomenological approach of P. Berger and T. Luckmann to the construction of reality, on the cognitive features proposed by A. Kruglanski, and the interpretation of deviance by J. Gilinsky. Extremist behavior is a form of deviance, expressing in the committing of non-normative actions that threaten the stability of society and activate the mechanisms of social control. Extremist thinking is the result of psychological construction, which arose on the basis of the unnatural functioning of the cognitive system. Extremist ideologies contain myths about the future ideal state and/or society, heroes, and legendary personalities, as well as eschatological myths. Essentially, these myths do not differ from the myths inherent in other types of activity and socio-cultural phenomena. However, they contribute to extremism by demonstrating acceptable and unacceptable norms of behavior as exemplified by some legendary personalities; interpretation of historical events and processes of social reality following the political goals of organizations; creation and transmission of relevant ideas and values; the formation of identity and a sense of exclusivity among extremists.

Keywords: extremism, extremist organizations, ideology, myth, future state, ideal society, deviance

© Излученко Т. В., 2021

Введение. Проблеме экстремизма посвящено большое количество исследований различных направлений. Существуют работы по выявлению причин возникновения (политических, экономических) [1], характеристике особенностей экстремистского поведения (девиантности) [2; 3] и когнитивных искажений, вызванных данной деятельностью [4], а также по её правовому определению [5].

Экстремизм оказывает дестабилизирующий эффект в общественных сферах, последствия которого будут ощущаться на протяжении длительного времени, но, как и любой социокультурный феномен, он подвержен изменениям. В настоящее время актуализируется необходимость оптимизации существующих мер противодействия, учитывающих не только внешние факторы распространения, но и источник, природу экстремизма.

Обоснование и оправдание совершения экстремистских действий в рамках организованной совместной деятельности содержится в идеологии, положения которой разделяются и признаются истинными участниками. Идеология конструирует альтернативную социальную реальность и формирует соответствующее мировоззрение, ориентированное на достижение как организационных, так и личных целей. Значимую роль в этом процессе занимает мифотворчество.

Мифы активно присутствуют в их повседневности, наполняя идеологическим смыслом события и процессы объективной реальности, направляя и обосновывая необходимость соответствия требуемому образу жизни. Цель нашего исследования – определить роль мифов в идеологии экстремистских организаций, их влияние на мышление и поведение участников.

Методология и методы исследования. Экстремизм понимается как социокультурный и политический феномен, проявляющийся в действиях против основ конституционного строя и безопасности государства, а экстремистская организация – объединение людей, результаты совместной деятельности которых могут привести к дестабилизации существующего социально-политического положения.

Сущность и функции мифа исследуются с позиций А. Лосева и М. Элиаде. Характеристика специфических черт экстремизма и выявление мифов осуществляются типологическим анализом. Рассмотрение процесса конструирования альтернативной социальной реальности экстремизмом происходит на основе феноменологического подхода

П. Бергера и Т. Лукмана [6]. Специфика когнитивных состояний и образа мышления экстремистов определяется в рамках когнитивного подхода А. Круглански. Девиантный характер поведения исследуется специальными социологическими приёмами Я. И. Гиллинского [7]. Символика, содержание идеологических текстов и смыслов, включая мифы, интерпретируются в рамках герменевтического подхода.

Результаты исследования и их об- суждение. Обозначим понятие. «экстремизм». Оно выражает: а) мотивацию и побуждения людей, стремящихся изменить существующий социально-политический порядок; б) идеологию, направленную против основ конституционного строя и безопасности государства, на нарушение прав и свобод человека. «Экстремистская деятельность» указывает на организованные действия по реализации данных воззрений и целей [8, с. 66, 69].

«Экстремистские взгляды» – приверженность к системе убеждений, основанных на ненависти или вражде в отношении иных лиц (группы) по какому-либо признаку [9, с. 197]. Люди склонны к проявлениям агрессии при угрозе их ценностям, в частности религиозным, которые усиливаются совместной деятельностью и способствуют интеграции с определёнными организациями, межгрупповой враждебности и дегуманизации идеологических противников [10]. Возможность совершения действий насильственного характера в отношении лиц (группы) по какому-либо признаку подчёркивается понятием «насильственный экстремизм».

При характеристике экстремизма мы выделяем правовую, поведенческую и когнитивную составляющие.

Правовые определения данного феномена в некоторых случаях расходятся, акцентируя внимание на дестабилизирующем факторе, а во многих государствах даже отсутствует юридический термин. В России под экстремистской деятельностью понимаются действия, указанные в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности»¹. Террористические действия можно рассматривать как крайнюю степень реализации экстремистских взглядов, представляющую наибольшую угрозу обществу. В Германии разжигание ненависти или вражды, публичная демонстрация

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон: [от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ]. – Текст: электронный // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 19.10.2020).

запрещённой символики, финансирование и пропаганда терроризма выступают основаниями для закрытия или запрета организаций. В ряде штатов США данные действия квалифицируются как преступления на почве ненависти, что выступает отягчающим вину фактором. Для государств Европы и США актуальными являются преступления террористической направленности, вызванные национальной ненавистью или враждой, которые взаимосвязаны с межрелигиозными конфликтами. «Количество актов террористической направленности, совершаемых представителями праворадикального сектора, начиная с 2014 г., неуклонно растёт» [11, с. 130].

В экстремистской деятельности отмечаются признаки девиантного поведения. Девиация есть отклонение от социальных норм, официально установленных или сложившихся в определённом обществе в конкретный исторический период; несоответствие стиля жизни с общественными нормами [7]. Девиантные проявления присущи «всем стадиям, формам и уровням социальной системы (девиантность – перманентное свойство общества)» [12, с. 12]. Однако негативная девиация выражается в дезорганизации и повышении энтропии социальной системы, которая стремится выявить их и минимизировать механизмами социального контроля. В основе девиантного поведения находятся диспозиции, определяющие предрасположенность личности к некому восприятию условий социальной реальности и готовность совершить некие действия [13]. Экстремистское поведение воспринимается определённым обществом на конкретном историческом этапе формой негативной девиации, дисфункциональным отклонением.

Экстремизм можно рассматривать в качестве психологической конструкции, обладающей сходствами с иными экстремальными состояниями. Для экстремистов характерны: а) высокая степень веры (не обязательно религиозной); б) нетерпимость к иным взглядам/позициям и людям, отличающимся от них; в) альтруизм, распространяющийся на представителей только своей группы. Предпосылками выступают поиск и утверждение личной значимости, которые обуславливаются обидами и мировоззрением. Человек переживает состояние относительной депривации, воспринимает сложившееся социально-политическое положение как систему ущемления его (его группы) прав и свобод [14]; состояние утраты психо-

логического, экономического и социального значения. Накопившиеся обиды, ощущение несправедливости в отношении себя (своей группы) вызывают отсутствие безопасности и унижение, что в свою очередь рождает чувство бессмысленности и, как следствие, стремление восстановить значимость и получить уверенность [15]. Происходит освобождение от действующих социальных и психологических ограничений с дальнейшим отказом от альтернатив. Насилие представляется действенным средством, оправданным и обоснованным идеологией и социальным окружением.

Когнитивные свойства сознания приобретают специфические проявления в экстремистской деятельности: радикализация взглядов; полная отдача себя организации и достижению цели; обобщение частных негативных случаев на общую ситуацию в обществе и государстве; убежденность в истинности, необходимости противозаконной деятельности и её дальнейшее оправдание. Соответствующим образом перенаправляются когнитивные способности. Приобретение знаний позволяет познать и принять идеологические положения. Активация знания – использовать насилие как идеологически допустимое и самое эффективное средство. Избирательное внимание – сосредоточиться на конкретной цели, отказаться от иных позиций. Подавление и торможение – игнорировать стимулы, связанные с альтернативными направлениями (семьей, физическими потребностями) [4].

Экстремистские организации, используя потребность людей в личной значимости и когнитивные искажения, создают атмосферу сплочённости и справедливого распределения ресурсов, предоставляют варианты личностного роста в рамках общества и организуют коммуникационные связи таким образом, что человек перестаёт критически воспринимать объективную социальную реальность. В результате у человека формируется мировоззрение, которое основывается на истинности его (его группы) убеждений и исключительной значимости себя (своей группы), отказе иных взглядов и жертвенности.

Несмотря на многообразие исследовательских позиций относительно экстремизма, идеологическая составляющая остаётся без должного внимания. Экстремизм связан с крайними идеологиями, приверженностью радикальным взглядам (левым, правым) и/или религиозному фундаментализму. Идеологи экстремистских организаций дегума-

низируют образ врага, идентифицируют его с конкретными людьми (группами) и легитимизируют насилие над ними, используя дуалистический принцип, противопоставление: «мы – свои» – «они – чужие – враги». Они направлены на управление: а) поведением (формируют необходимый образ жизни); б) эмоциями (создают специфический стиль мышления); в) познанием (определяют получаемую участниками информацию и предоставляют соответствующую интерпретацию происходящим процессам). Содержание отличается: а) простотой смыслов; б) упрощённым взглядом на социальные и политические события; в) чёткостью формулировок; г) неточностью статистических данных. Мир позиционируется категориями «чёрное – белое», «свои – чужие». Связность и ясность идеологических положений обеспечивается посредством мифотворчества.

Востребованность мифов и их постоянное присутствие в культуре можно объяснить созданием упрощённой, недостоверной, но удобной для освоения сознанием картины событий, основанной на эмоционально насыщенном, легко визуализируемом наборе символов. Помимо этого, мифы привлекательны, т. к. затрагивают важные проблемы и дают понятное объяснение, не требующее рационального доказательства. Устойчивость к критике обеспечивается когнитивной схематизацией мифа, в рамках которой происходит отбор информации, а всё, что не соответствует, отрицается или игнорируется.

Возникновение нового социокультурного феномена в обществе порождает соответствующий миф, устанавливается взаимозависимость, т. к. миф подтверждает значимость явления и задаёт его структуру. Миф выступает способом объяснения действительности в форме повествования, подкреплённого убеждениями, субъективными предпочтениями и рациональными рассуждениями, а также выборочными научными фактами. Люди создают мифы, отвечающие их потребностям и миропредставлениям. Когнитивная система сознания из многообразия представленных политических, культурных, религиозных и иных видов мифов воспринимает только те, которые согласуются с мировоззрением. Позже они корректируются и дополняются новыми элементами – результатами индивидуальных когнитивных искажений.

Феноменологический подход к мифу позволяет рассматривать его как наивысшую по своей конкретности и максимально ин-

тенсивную реальность для мифологического сознания, которое фрагментарно присутствует всем людям. Мифотворчество никогда не прекращается в обществе. Мифологическое мышление адаптируется к новым социокультурным условиям, использует реальные личности и происходящие социально-политические и экономические процессы. Миф не содержит ничего случайного, выдуманного, произвольного или фантастического [16, с. 35–37]. В нём присутствуют практичность, аффективность и личностные переживания, а также он включает живых личностей, жизнедеятельность которых представлена эмоциональными средствами. Функционально миф демонстрирует модели поведения для совершения ритуальных и повседневных практик. Воспроизведение мифологических событий направлено на передачу знаний, восстановление «начал» и переход/приобщение к сакральному [17]. Люди продолжают деятельность своих легендарных предков, проявляя себя здесь и сейчас, становясь частью Священной истории.

В настоящее время актуализируется мифотворчество для создания политизированных мифов. Исторические факты, религиозные традиции и социально-культурные нормы трансформируются и получают альтернативную интерпретацию, позиционируемую истинной, а за счёт эмоциональности воспринимаемую подлинной реальностью. Происходит распространение конкретной политической позиции, и легитимизируются те или иные решения руководства. Миф выступает манипуляционным инструментом власти, позволяя управлять общественным мнением и убеждать социум в целесообразности конкретного проекта, аргументируя общественной пользой и получением личной выгоды от его реализации. Этому способствуют следующие свойства мифа: а) амбивалентность – противопоставление масс как потребителей мифа и элит как его создателей; б) автономность – принятие мифа самими элитами [18, с. 45]. Миф, с одной стороны, есть инструмент элиты для успешного продвижения социально-политического проекта, позволяющий «замифологизировать» пространство и вызывающий невозможность объективной оценки, неадекватность выводов. С другой стороны, миф всегда является не только волей элиты, но и ответом на существующие в обществе запросы [19, с. 58].

В мифе создаются и транслируются идеи и ценности, формируются идентичность и ощущение исключительности у его

носителей, программируется их определённое социальное поведение. Миф направляет людей, визуализируя желаемое ими будущее. С одной стороны, он влияет на социум, направляет его посредством: а) демонстрации приемлемых и неприемлемых норм поведения на примере героев и легендарных личностей; б) интерпретации исторических событий в контексте современной социально-политической ситуации; в) объяснения социальной действительности и процессов в ней с учётом целей. С другой стороны, миф является продуктом общественного сознания, которое воспринимает актуальные для себя идеи, трансформирует их и успешно использует. Даже будучи нередко созданным элитами, он постепенно видоизменяется под влиянием социума и всегда становится ответом на конкретные общественные потребности.

Современные социально-политические и экономические процессы у некоторых людей вызывают ощущение ненадёжного жизненного положения (*insecure life attachment*), которое сопровождается переживанием страха и социальной незащищённости, провоцирует экстремальное поведение и применение насилия [20]. Создаваемые культурные нарративы помогают понимать действительность и решать жизненные проблемы. Насильственные действия, вызванные жизненными трудностями, культурными паттернами, психологическими травмами и личными особенностями [21], получают обоснование в мифологической форме и воспринимаются действенными средствами определёнными группами. При условиях осуществления совместной организованной деятельности и действий экстремистской направленности данные объединения могут квалифицироваться как экстремистские организации.

Наличие мифов в идеологии экстремистских организаций, действующих на международном и национальном уровнях, позволяет направлять участников, которые никогда не встречались друг с другом, на достижение единой цели, действовать согласно единой модели поведения и мыслить схожими категориями. Миф выступает средством конструирования воображаемой альтернативной социальной реальности, предоставляет соответствующие методы познания. В основе таких идеологий находится система мифов, которые взаимосвязаны и обоснованы друг другом. Этим обеспечивается целостность мировоззрения в заданных рамках, оправдание и обоснование любых

действий, соблюдение требуемых моделей мышления и поведения участниками.

Экстремизм, как и любое социокультурное и политическое явление современной культуры, содержит различного рода мифы. Они не являются специфическими, обладают той же сущностью что и любые другие мифы. На наш взгляд, их можно разделить на мифы, созданные в рамках самой экстремистской деятельности; мифы, сконструированные обществом об экстремизме и экстремистах. Идеологии экстремистских организаций включают оба вида. Первые – для обоснования своей деятельности, а вторые – демонстрации неприемлемости социумом их позиции, возможности и, в некоторых случаях, необходимости применения насильственных мер в отношении его членов. Подкрепляется допустимость насилия когнитивной радикализацией, основанной на высокой самооценке и стремлении к господству (нарциссизм), хитрости и изобретательности (макиавеллизм), эмоциональной холодности и импульсивности (психопатия) [22].

Несмотря на разнообразие, можно выделить некоторые группы наиболее распространённых мифов в идеологии экстремизма. Первые – о времени. Экстремистские организации действуют для достижения определённой политической цели, используя человеческие особенности (физические, психические и когнитивные) и мотивируя своих участников (руководство и рядовых) посредством мифов о прошлом (как золотом веке, давно забытом под влиянием деспотичного политического режима); настоящем (деятельности зла и возможности начала борьбы с ним); будущем (золотом веке, идеальном социально-политическом положении, которое будет превосходить ранее существующие). Формируются утопические представления о будущем, которое на самом деле никогда не наступит, опирающиеся на образ прошлого, которого на самом деле никогда не было. Миф позволяет участникам поверить, что благодаря их деятельности идеальное справедливое общество может стать реальностью. Религиозные экстремистские организации усиливают данные настроения идеями построения «царства небесного на земле» – рая, в виде утопии – места, где несовершенные люди могут стремиться к совершенству: личному, политическому, экономическому и социальному. Экстремистское сознание по сущности является утопичным [23].

Мифы данной категории взаимосвязаны с мифами о государстве и политической

власти, в которых современные социально-политические устройства представляются ложными и существующими с целью уничтожения, порабощения людей. В обращении террористической организации «Народного ополчения имени К. Минина и Д. Пожарского»¹ отмечается: «Власть стала не только нерусской, она стала антирусской, антинациональной не только по этническому происхождению, но и по своему духу поклонения идолу золотого тельца... в России установлен тиранический режим духовного порабощения, национального унижения и социального угнетения»².

Установление нового социально-политического порядка представляется экстремистами естественным результатом исторического развития общества, поэтому он должен быть создан, т. к. это Священная история, а они являются только исполнителями. Будущее государство будет реализовывать не закон людей, а божественную волю, нормы, установленные высшими силами. Согласно идеологии террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»³, человечество проходит следующие основные этапы развития: 1) период пророка Мухаммеда и халифа (прошлое); 2) монархию и деспотичные правления (настоящее); 3) снова халифат (будущее), который получит более совершенную форму, учитывающую все прежние сложности и современные научно-технические достижения. Для этого все участники в различных государствах стремятся получить доступ к политической власти и перейти к созданию халифата.

Вторая группа мифов – о героях и легендарных личностях. Героем, которым может быть как мужчина, так и женщина, является человек, способный преодолеть свои личные и локально-исторические ограничения и перейти к общечеловеческим формам [24, с. 22]. Данные мифы преимущественно содержат следующий сюжет. Человек, живу-

щий обычной жизнью, при определённых условиях (воля священного, невыносимость положения, несправедливость) переходит в область сверхъестественного. Там он сталкивается с мифическими силами, олицетворяющими мировое зло, одерживает победу, преображаясь в качестве спасителя мира, и возвращается. Приобретённые знания и умения он передаёт обществу, члены которого должны уважать их и стараться соответствовать его образу жизни. Позиционируется следующее: любой человек, следуя примерам героев, соблюдая предписанные нормы, будет жить согласно естественному состоянию своего организма, что приведёт его к абсолютному здоровью как физическому, так и психическому. Данная группа мифов развивает представления о здоровье, которое достижимо только при условиях соблюдения определённого образа жизни.

В экстремизме отмечается преимущественное обращение к жизнедеятельности уже умерших легендарных личностей, а не действующих лидеров, т. к. они только повторяют уже указанный путь. Экстремистские организации создают свои перечни: а) легендарных личностей, которые своей деятельностью, включая сопротивление государству и смерть, способствовали обществу процветанию, противостоянию со злом; б) героев, творивших в период Священной истории и зачастую являющихся организаторами данных объединений. Сторонники террористической организации «Исламское движение Узбекистана»⁴ отмечают ключевую роль основателя Тахира Юлдашева (1968–2009), всю свою жизнь, по их мнению, посвятившего достижению праведных целей и явившего пример стойкости и веры. Экстремистская организация «Алтай Дян Ак Дян»⁵ позиционирует своего лидера Василия Чекурашева как борца с навязанным японцами алтайскому народу буддизмом, возвращающего алтайцев к истинной вере.

Третья группа мифов содержит эсхатологические мотивы, которые продолжают идеи создания идеального государства. Будущее понимается результатом деятельности участников по приближению конца света

¹ Решение Московского городского суда № 3-15/2015: [от 18 февраля 2015 г.]. – URL: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (дата обращения: 28.10.2020). – Текст: электронный.

² О создании Народного фронта освобождения России: заявление Народного ополчения им. Минина и Пожарского (НОМП): [от 18 ноября 2010 г.]. – URL: <https://aakanab.blogspot.com/2010/11/blog-post18.html> (дата обращения: 15.10.2020). – Текст: электронный.

³ Решение Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ14-1424С: [от 29 декабря 2014 г.] – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rt-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 12.10.2020). – Текст: электронный.

⁴ Решение Верховного Суда Российской Федерации № ГКПИ 03-116: [от 14 февраля 2003 г.]. – URL: <https://web.archive.org/web/20160108040711/http://nac.gov.ru/content/3934.html> (дата обращения: 01.11.2020). – Текст: электронный.

⁵ Решение Онгудайского районного суда Республики Алтай: [от 11 декабря 2018 г.]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 01.11.2020). – Текст: электронный.

и исполнению воли священного. С установлением нового мирового порядка наступит конец истории – золотой век, в котором выживут и будут процветать только сторонники определённой позиции, идеологии. Скорое ожидание конца света, в случае с религиозными экстремистами – наступления Страшного суда, характерно для идеологий экстремистских организаций. Эсхатологические и сотериологические мотивы составляют значительную часть роли и миссии основателей тоталитарных движений [17], тем самым формируя их образ как героев вселенского масштаба. Сотериологический элемент используется с целью продемонстрировать исключительность и превосходство своих участников.

Эсхатологические мифы выступают основополагающими элементами идеологии экстремистских организаций. Они соединяют мифы в целостную картину мира, обосновывают и раскрывают цель деятельности, указывают на получение достойной награды участниками. В них визуализируется будущее идеальное государство и/или общество как новый сотворённый мир, пришедший на смену ложному социально-политическому устройству, а люди, которые будут жить, – абсолютно здоровыми и счастливыми. Согласно учению экстремистской организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы»¹, ожидается конец света, в результате которого наступит «царство» последователей под руководством Иисуса Христа, после произойдёт суд: 144 тысяч попадут на небо, а остальные люди будут жить вечно на обновлённой планете. При этом новое общество не будет знать насилия и различного рода конфликтов.

Заключение. В идеологии экстремизма используются мифы для создания необходимого общественного мнения, измене-

ния восприятия происходящих процессов у участников. Они маскируют политические цели организаций, представляя противоправную деятельность как борьбу с мировым злом и как установление идеального справедливого социально-политического устройства. Разрабатываются социально-политические и экономические, а иногда и религиозные, проекты, которые содержат элементы реальности и основываются на существующих проблемах и возможностях их преодоления, также в них отмечаются «испорченность существующей системы» и ангажированность политических элит. Предлагаемые меры ориентированы на свою целевую аудиторию, отвечают её потребностям и интересам. Мифы становятся средствами убеждения в истинности определённых проектов по созданию альтернативной социальной реальности.

Во многом успешность и востребованность идеологии той или иной экстремистской организации обеспечивается мифами. Чем лучше они дополняют, обосновывают и подтверждают друг друга, чем пластичнее они являются, тем дольше существует и продуктивнее функционирует организация, получая возможность в кратчайшие сроки трансформироваться под изменяющиеся условия. Соответственно, организации, существующие несколько десятилетий, пережившие социально-политические кризисы и распространившие своё влияние на различные территории, обладают развитой системой мифов, способной изменяться при сохранении фундаментальных идеологических (ядро) положений. На наш взгляд, при разработке мер противодействия экстремизму и принятии адекватных управленческих решений необходимо учитывать содержание и функциональное значение существующих в нём мифов.

Список литературы

1. Еремин С. Г., Скориков Д. Г., Тришкина Е. А. Генезис экстремизма и формы проявления экстремистской деятельности // Юристы-правоведы. № 1. 2017. С. 218–222.
2. Байсаидова Г. С., Алибекова С. Я. Религиозно-политический экстремизм как форма девиации в конфликтном пространстве // KANT. 2019. № 4. С. 132–135.
3. Ганаева Е. Э. Молодежный экстремизм как тип девиации // Молодой учёный. 2012. № 12. С. 361–363.
4. Kruglanski A., Fernandez J., Factor A., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism // Cognition. 2019. Vol. 188. P. 116–123. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.11.008.
5. Андриянов В. Н. Конституционно-правовые основы противодействия экстремизму // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 32–42. DOI: 10.17150/2500-4255.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
7. Гилинский Я. И. Глобализация и девиантность // Академический вестник. 2012. № 2. С. 8–13.

¹ Решение Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ17-238: [от 20 апреля 2017 г.]. – URL: <http://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-sudarf-otnapi17-238/> (дата обращения: 02.11.2020). – Текст: электронный.

8. Забиров Р. В., Иванчук О. В. Феноменологический анализ понятий «экстремизм», «молодежный экстремизм», «профилактика молодежного экстремизма» // Вестник современных исследований. 2019. № 3. С. 66–70.
9. Сергун Е. П. Правовое обеспечение противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 195–198.
10. Beller J., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. Vol. 4, is. 10. P. 345–355. DOI: 10.1037/rel0000138.
11. Михеева С. Н., Скипский Г. А. Феномен праворадикального экстремизма в странах Европы и США и проблемы противодействия ему органов государственной власти на современном этапе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 129–134.
12. Комлев Ю. Ю. Эмпирическое изучение девиантности. На пути от триангуляции статистических, количественных и качественных методов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 1. С. 12–22.
13. Ярошевич Е. А. Девиантность и виктимность личности в генезисе и развитии девиантного поведения // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. каноніка, сацыялогія, права. 2016. № 2. С. 53–59.
14. Kunst J., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 35. P. 55–59. DOI: 10.1016/j.copsy.2020.03.010.
15. Van Prooijen J.-W., Kuijper S.M. A Comparison of Extreme Religious and Political Ideologies: Similar Worldviews but Different Grievances. URL: <https://www.researchgate.net/publication> (дата обращения: 24.12.2020). Текст: электронный.
16. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2002. 558 с.
17. Элиаде М. Аспекты мифа: пер. с фр. М.: Академический проект, 2000. 222 с.
18. Белов С. И. Соотношение концептов «политический миф» и «исторический миф» // Вестник Московского государственного университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 3. С. 39–48.
19. Веретевская А. В. Об опасности политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 52–64.
20. Ozer S. Globalization and radicalization: A cross-national study of local embeddedness and reactions to cultural globalization in regard to violent extremism // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 76. P. 26–36. doi: 10.1016/j.ijintrel.2020.02.007.
21. Hoffman A. Understanding conflict and the role of community development: Is building a peaceful society within our reach? // Aggression and Violent Behavior. 2017. Vol. 37. P. 63–70. DOI: 10.1016/j.avb.2017.09.003.
22. Pavlovic T., Wertag A. Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 168. P. 110374. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110374.
23. Coates Jo. Utopia – An obsolete concept // Tech logical Forecasting and Social Change. 2016. Vol. 113. P. 110–111. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.10.057.
24. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячьми лицами: пер. с англ. Киев: София, 1997. 336 с.

Статья поступила в редакцию 30.11.2020; принята к публикации 29.12.2020

Сведения об авторе

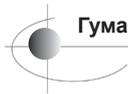
Излученко Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, доцент, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный; e-mail: izluchenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>.

Библиографическое описание статьи

Излученко Т. В. Роль мифа в экстремизме: социально-философский анализ // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 88–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-88-96.

References

1. Eremin, S. G., Skorikov, D. G., Trishkina, E. A. Genesis of extremism and forms of manifestation of extremist activity. Jurist-jurist, 2017: 218–222. (In Rus.)
2. Baisaidova, G. S., Alibekova, S. Ya. Religious and political extremism as a form of deviation in the conflict space. KANT, no. 4, pp. 132–135, 2019. (In Rus.)
3. Ganaeva, E. E. Youth extremism as a type of deviation. Young scientist, no. 12, pp. 361–363, 2012. (In Rus.)
4. Kruglanski, A., Fernandez, J., Factor, A., Szumowska, E. Cognitive mechanisms in violent extremism. Cognition, vol. 188, pp. 116–123, 2019. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.11.008>. (In Engl.)

5. Andriyanov, V. N. Constitutional and legal bases of counteraction to extremism. All-Russian criminological journal, no. 1, pp. 32–42, 2017. <https://doi.org/10.17150/2500-4255>. (In Rus.)
6. Berger, P., Lukman, T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. M: Medium, 1995. (In Rus.)
7. Gilinskiy, Ya. I. Globalization and deviance. Academic Bulletin, no. 2, pp. 8–13, 2012. (In Rus.)
8. Zabirov, R. V., Ivanchuk, O. V. Phenomenological analysis of the concepts “extremism”, “youth extremism”, “prevention of youth extremism”. Bulletin of modern research, no. 3, pp. 66–70, 2019. (In Rus.)
9. Sergun, E. P. Legal support for countering extremist activities in the Russian Federation. Legal policy and legal life, no. 2, pp. 195–198, 2006. (In Rus.)
10. Beller, Joh., Kroger, C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support for Extremist violence. Psychology of Religion and Spirituality, vol. 4, pp. 345–355, 2018. <https://doi.org/10.1037/rel0000138>. (In Engl.)
11. Mikheeva, S. N., Skipskiy, G. A. The phenomenon of right-wing radical extremism in Europe and the United States and the problems of countering it by state authorities at the present stage. Bulletin of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, no. 3, pp. 129–134, 2020. (In Rus.)
12. Komlev, Yu. Yu. Empirical study of deviance. On the way from triangulation of statistical, quantitative and qualitative methods. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, no. 1, pp. 12–22, 2011. (In Rus.)
13. Yaroshevich, E. A. Deviance and victimhood of the individual in the genesis and development of deviant behavior. Bulletin of Mogilev State University named after A. A. Kuleshov. Ser. D, Economics, sociology, law, no. 2, pp. 53–59, 2016. (In Rus.)
14. Kunst, Jo., Obaidi, M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation. Current Opinion in Psychology, vol. 35, pp. 55–59, 2020. doi: 10.1016/j.copsyc.2020.03.010. (In Engl.)
15. Van Prooijen, J.-W., Kuijper, S. M. H. C. A Comparison of Extreme Religious and Political Ideologies: Similar Worldviews but Different Grievance. Pers. Individ. Differ, vol. 159, art. no. 109888, 2020. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.109888>. (In Engl.)
16. Losev, A. F. Dialectics of myth. M: Mysl, 2002. (In Rus.)
17. Eliade, M. Aspects of myth / translated from Fr. M: Academic project, 2000. (In Rus.)
18. Belov, S. I. Correlation of the concepts “political myth” and “historical myth”. MSU Bulletin. Episode 12. Political science, no. 3, pp. 39–48, 2018. (In Rus.)
19. Veretevskaya, A. V. On the danger of political myth for social development (on the example of the myth of multiculturalism in Europe). Questions of philosophy, no. 5, pp. 52–64, 2018. (In Rus.)
20. Ozer, S. Globalization and radicalization: a cross-national study of local embeddedness and reactions to cultural globalization in regard to violent extremism. International Journal of Intercultural Relations, vol. 76, pp. 26–36, 2020. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.02.007>. (In Engl.)
21. Hoffman, A. Understanding conflict and the role of community development: is building a peaceful society within our reach? Aggression and Violent Behavior, vol. 37, pp. 63–70, 2017. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2017.09.003>. (In Engl.)
22. Pavlović, T., Wertag, A. Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism. Personality and Individual Differences, vol. 168, p. 110374, 2021. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110374>. (In Engl.)
23. Coates, Jo. Utopia – An obsolete concept. Tech logical Forecasting and Social Change, vol. 113, pp. 110–111, 2016. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.10.057>. (In Engl.)
24. Campbell, J. The Hero with a Thousand Faces / transl. from Eng. K: Sofiya, 1997. (In Rus.)

Received: November 30, 2020; accepted for publication December 29, 2020

Information about author

Izluchenko Tatyana V., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Siberian Federal University; 79 Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russia; e-mail: izluchenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>.

Reference to the article

Izluchenko T. V. The Role of Myth in Extremism: the Socio-Philosophical Analysis // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. Pp. 88–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-88-96.

Диана Викторовна Шульц,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: dianadm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0561-3271>

Современный танец в цифровом пространстве: кинотанец в условиях пандемии COVID-19

Современный танец развивается в условиях новых угроз и возможностей. Как и любое другое общественное явление, он испытывает воздействие внешних по отношению к нему условий, которые способны оказывать воздействие на его содержание, развитие и формы. Пандемия COVID-19 стала самым глобальным условием за последнее время, влияние которого стало ощутимым для всех сфер жизнедеятельности общества. Как и другие отрасли искусства, современный танец был поставлен в новые условия, связанные с ограничительными мерами, которые привели не только к негативным последствиям, но и вызвали всплеск использования информационных технологий для доведения результатов творческих изысканий до зрителя. Именно условия пандемии способствовали интенсивному развитию новых форм взаимодействия профессионального хореографического сообщества и новому этапу развития кинотанца как одной из форм Contemporary Dance. В статье рассматривается воздействие ограничительных условий пандемии на развитие современного танца, в частности такой его формы, как кинотанец. Проанализированы имеющиеся немногочисленные подходы к определению сущности кинотанца, а также опыт хореографов по созданию танцевальных постановок в условиях самоизоляции. Методологической основой исследования послужил анализ научной, философской литературы, освещающей проблемы развития современного танца и кинотанца в частности в условиях пандемии COVID-19. Представлена попытка обобщения результатов рефлексии представителей научного и хореографического сообществ по поводу воздействия ограничительных условий на развитие профессионального сообщества хореографов. Проведённый анализ позволил сделать выводы, что представители профессионального сообщества хореографов смогли использовать условия самоизоляции для воплощения новых творческих идей, а кинотанец стал более популярным и востребованным.

Ключевые слова: современный танец, контемпорари, кинотанец, цифровое пространство, пандемия

Diana V. Schultz,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: dianadm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0561-3271>

Modern Dance in the Digital Space: A Screen Dance in the Context of the COVID-19 Pandemic

Modern dance is developing in the face of new threats and opportunities. Like any other social phenomenon, it is affected by external conditions that can affect its content, development and forms. The COVID-19 pandemic has become the most global condition in recent times, the impact of which has become tangible for all spheres of society. Like other branches of art, Contemporary Dance was put into new conditions, which led not only to negative consequences but also caused a surge in the use of information technologies to bring the results of creative research to the viewer. It was the pandemic conditions that contributed to the intensive development of new forms of interaction between the professional choreographic community and the new stage of the development of the screen dance as one of the forms of Contemporary Dance. The article is devoted to the impact of the restrictive conditions of the pandemic on the development of contemporary dance and its form such as a screen dance. We analyzed the few available approaches to determining the essence of a screen dancer, as well as the experience of choreographers in creating dance performances in conditions of self-isolation. The research is based on the analysis of the scientific literature covering problems of development of modern dance and screen dance in the conditions of COVID-19 pandemic. We concluded that representatives of the professional community of choreographers were able to use the conditions of self-isolation to implement new creative ideas, and the screen dance became more popular.

Keywords: contemporary dance, screen dance, digital space, pandemic

